

УДК (5-191.2): [2+327]

**РЕЛИГИЯ И ГЕОПОЛИТИКА: РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.): АФГАНСКИЙ “СИНДРОМ”**

А.А. Салиев

Рассматриваются место и роль Афганистана в решении внешнеполитических проблем в Центральной Азии.

Ключевые слова: Афганистан; Россия; Англия; Центральная Азия; геополитика; ислам; мусульмане.

**RELIGION AND GEOPOLITICS: RUSSIA POLICY IN THE CENTRAL ASIA
(SECOND HALF XIX – BEGINNINGS XX CENTURY): AFGHAN “SYNDROME”**

A.A. Saliev

The paper regards the place and a role of Afghanistan in the decision of foreign policy problems in the Central Asia.

Keywords: Afghanistan; Russia; England; the Central Asia; geopolitics; Islam; Muslims.

Название этой статьи напоминает события февраля 2001 г., когда в Бишкеке состоялось второе (первое было в ноябре 2000 г.) заседание Рабочей (исследовательской) группы по урегулированию кризисов в Центральной Азии на тему: “Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности”, на которой присутствовали специалисты из США, структур НАТО, Евросоюза, из республик региона и, разумеется, из России. Группа была учреждена в июне 2000 г. в Таллине, на конференции Консорциума военных академий и институтов, изучающих безопасность при Центре им. Джорджа Маршалла. Как известно, Афганистан никогда не был обделен вниманием политиков и исследователей, однако с начала XXI в. оно только возрастало. И фактически всегда в тех или иных выступлениях упоминалось о значении религиозного (исламского) фактора в жизни этой страны и в мировой геополитике.

Действительно, движение “Талибан” в Афганистане имело изначально только религиозную природу. Если мусульманская Турция сегодня в значительной мере ассоциируется в сознании людей со светскими государствами, то Афганистан вряд ли кем-либо сопоставляется с ними. Даже в шиитском Иране степень влияния религии на сознание людей носит, на наш взгляд, более поверхностный характер, чем в Афганистане, в котором она представляется некой знаковой сущностью. Так сложилось исторически, и этот фактор давно

уже проявил себя в мировой геополитике. Достаточно напомнить события первой англо-афганской войны рубежа 1830–1840-х гг., которая закончилась поражением гордых бриттов именно из-за торжества в сознании афганцев синтеза национальной гордости с идеями освободительной борьбы в форме “священной войны” мусульман с “неверными”.

Если исходить из геополитической точки зрения, то неприятие афганцами “кафиров” (немусульман) никогда не носило тотального характера. Например, еще перед первой англо-афганской войной афганский эмир Дост-Мухаммед искал сближения с христианской Россией и не усматривал в этом ничего противоречащего интересам мусульман своей страны. В октябре 1835 г. он направил посольство во главе с Хусейном Али в Россию с тем, чтобы попросить ее помощи в его противостоянии с англичанами. В мае 1836 г. афганское посольство прибыло в Оренбург, откуда генерал-губернатор В.А. Перовский, ознакомившись с письмом эмира к царю, поспешил переправить его в столицу. В Петербурге с Хусейном Али беседовали министр иностранных дел Нессельроде и Родофиникин. Они быстро поняли суть дела и направили в Афганистан И.В. Виткевича для уточнения ситуации и сбора необходимой информации. Российский исследователь О.В. Боронин пишет о том, что Виткевичу “удалось склонить эмира к заключению российско-афганского союза. Британия, в свою очередь, оказав дипломатический нажим на Петер-

бург, препятствовала заключению каких-либо договоров России с Дост-Мухаммедом. Неожиданная смерть инициатора этого союза – Виткевича – также содействовала тому, что идея союзных отношений оказалась нереализованной” [1, с. 83].

Нам представляется, что Боронин в данном случае выступает как субъективный идеалист. Во-первых, почему “удалось склонить” Дост-Мухаммеда, если он сам искал такого союза, направляя свое посольство в “Северную Пальмиру”? Во-вторых, надо знать прошлое Виткевича, с “младых ногтей” поляка-руссофоба, который на Востоке завел прекрасные отношения с английским разведчиком А. Бернсом и, на наш взгляд, мог тому подыгрывать. Наконец, в-третьих, вряд ли смерть одного человека могла свести на нет историческую объективность. Согласно субъективному мнению автора, перед англо-афганской войной Великобритания была рядом с Афганистаном – в Индии, тогда как Россия отстояла от него в конце 1830-х гг. на тысячи километров. В то время Англия не видела в России серьезного соперника в Афганистане, но уже в 1850-х гг. британский премьер-министр Пальмерстон (1855–1858) говорил: “Афганистан должен быть или наш, или – русский” [2, р. 36]. Он знал, что мусульманские правители последнего отдавали предпочтение России. Даже завоевание русскими мусульманской Средней Азии не изменило такой геополитической ориентации. Соседство с Британской Индией вызывало у Афганистана большее недовольство, чем присутствие России в Туркестане. Англичан не устраивало ни то, ни другое. Не желая портить отношения с Великобританией, российское правительство открыто признало, что мусульманский Афганистан не является объектом его геополитических интересов. В 1873 г. лорд Грэнвилль пришел к соглашению с Россией о том, что Афганистан станет “буфером” между двумя империями в Азии.

Однако пришедший к власти в Англии кабинет Б. Дизраэли усилил нажим на афганские власти и призывал к изгнанию русских из Центральной Азии. Он начал готовиться к новой войне с Афганистаном. 31 октября 1875 г. лорд Солсбери писал премьеру Дизраэли: “Я не предлагаю послать миссию в Афганистан против воли эмира, однако я рекомендую посоветовать нашему индийскому правительству оказать давление на эмира с тем, чтобы он был вынужден желать ее появления в своих владениях” [2, р. 404]. При этом он отмечал, что “сила русских на границах с Афганистаном представляется эмиру такой большой, а наши действия кажутся ему такими робкими, что он вполне может считать безопаснее для себя связать свою судьбу с ними, а не с нами” [2, р. 404]. Последовавшие затем события показали, что геополитические предпочтения афганского правителя, действительно,

качнулись в сторону христианской России, а не Великобритании. В Петербурге это правильно поняли и придвинули русские войска к северным границам Афганистана.

В 1878 г. в Кабул к эмиру Шир-Али-хану была направлена военно-дипломатическая миссия генерал-майора Н.Г. Столетова. “Целью миссии была передача афганскому эмиру... проекта русско-афганского договора, предусматривающего установление дружеских отношений между двумя странами и предоставление Афганистану финансовой, материальной и военной помощи в случае агрессии извне” [3, с. 228–229]. К. Маркс писал Ф. Энгельсу 24 сентября 1878 г. о том, что русская миссия генерала Столетова в Кабул – это “шахматный ход русских в Афганистане” [4, с. 71]. “После прибытия Столетова в Кабул англичане потребовали у эмира принять в афганской столице британскую миссию. По совету Столетова эмир отклонил это требование англичан. У афганцев появилась уверенность в получении поддержки от России” [5, с. 393]. Российский разведчик, полковник Матвеев, писал: “Правитель Афганистана эмир Шир-Али поспешил окончательно прервать и без того шаткую дружбу свою с англичанами и открыто признать себя нашим союзником” [6, л. 1 об.]. “Однако после возвращения Столетова на родину царское правительство не утвердило привезенный им проект русско-афганского договора” [5, с. 393]. Это позволило англичанам начать в 1878 г. вторую войну с Афганистаном. Россия не поддержала эмира Шир-Али-хана и даже не пустила в Санкт-Петербург этого человека явной пророссийской ориентации.

Видный советский историк В.М. Хвостов писал о том, что афганский эмир Шир-Али-хан в 1878 г. в письме к турецкому султану призывал того “прийти к пониманию с русскими” [7, с. 192]. А новый эмир Якуб-хан, проанглийски настроенный, в мае 1879 г. подписал так называемый Гандамакский мирный договор с Великобританией, который превращал Афганистан фактически в английский протекторат. “Прибывший в Кабул английский резидент бесцеремонно вмешивался во внутренние дела страны: по его усмотрению смещались и назначались чиновники” [8, с. 202]. Действия Якуб-хана и англичан в первую очередь вызвали недовольство афганского духовенства, подтолкнув тем самым религиозный фактор к вмешательству в политику. Унизительный для гордых мусульман-афганцев договор с Англией вызвал восстание в Кабуле в августе 1879 г., хотя О.В. Боронин пишет об октябре 1879 г. [1, с. 84].

Известные востоковеды А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец по этому поводу отмечали: “В августе 1879 г. в Кабуле началось народное восстание. Афганские солдаты и восставшие горожане уничтожи-

ли английский конвой. По всей стране формировались отряды ополченцев для продолжения борьбы против захватчиков... Народ требовал, чтобы эмир Якуб-хан объявил “священную войну” [5, с. 394]. Примечательно, что в среде повстанцев-мусульман в это время были сильны надежды на помощь от русских. Российский разведчик Матвеев по этому поводу в 1879 г. писал о том, что “в Кабуле с нетерпением ждут возвращения генерала Столетова и удивляются его продолжительному отсутствию” [6, л. 19]. Тогдашний вице-король Индии Литтон, проанализировав сложившуюся в Кабуле ситуацию, “был убежден в том, что Афганистан не сможет существовать длительное время как независимое государство между Россией и Великобританией” [9, р. 179]. Однако Лондону не понравился такой пессимизм и в 1880 г. его заменили Риппоном.

Нельзя не признать, что большую роль в активизации народных масс в рассматриваемое время сыграло мусульманское духовенство. Восстание носило явно религиозный характер. В сложных политических условиях “в начале 1880 г. из среднеазиатских владений России в Афганистан перешел племянник Шер-Али-хана Абдурахман. Русские власти тайно снабдили его оружием и деньгами. Собрав значительное войско, Абдурахман продвигался в сторону Кабула” [5, с. 394]. Как известно, англичане признали его афганским эмиром, снабдили его оружием и деньгами. Однако не менее хорошо известно и то, что Абдурахман со свитой долгое время находился на содержании российского правительства в Самарканде, вел праздный образ жизни, ни в чем особенно не нуждался. Мы убеждены в том, что его побег в Афганистан был устроен самими русскими, которые, надеялись на то, что в будущем он будет проводить пророссийскую политику [10, с. 1127–1137]. Мы с большим сомнением относимся к этому и полагаем, что российские власти запустили в Афганистан сомнительного претендента на престол – племянника эмира – с ведома англичан, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что между англичанами и русскими в Центральной Азии были не только противоречия, но и сговоры за спинами ее мусульманских народов.

Россия могла поддержать более реального претендента на престол – не племянника, а родного сына умершего в 1879 г. эмира – Айюб-хана. Это в большей мере соответствовало бы законам мусульманского права (шариата). На наш взгляд, выбор Абдурахман-хана на престол был фактом принесения норм религии в жертву геополитическим интересам держав в Центральной Азии. Кстати, в России проявляли интерес к фигуре Айюб-хана, сыгравшего большую роль в победе афганцев над англичанами в битве под Майвандом в 1880 г.

В 1885 г., во время Пендинского кризиса, он был арестован в Тегеране персидскими властями. В апреле 1885 г. российский посланник в Тегеране писал директору Азиатского департамента МИД Зиновьеву о том, что Айюб-хан был арестован по совету английского резидента Томсона. Он находился под домашним арестом, так как персидский шах взял с него “честное слово не делать попытки к бегству” [11, л. 2 об.].

Но англичане решили действовать испытанным способом – подкупить афганского лидера. И это им удалось. 12 августа 1885 г. российский посланник в Тегеране писал Зиновьеву о том, что английский резидент в Персии Томсон вступил в переговоры с Айюб-ханом через третьих лиц, которые закончились “полным соглашением, и условия соглашения подписаны обеими сторонами” [11, л. 8. об.]. Посланник отмечал, что, согласно этому соглашению, англичане будут платить Мухаммеду Эюб-хану и его свите на содержание 2 тыс. туманов ежемесячно, “и даже больше на содержание его самого и свиты его” [11, л. 9]. Он указывал, что все сторонники Мухаммеда Айюб-хана должны теперь будут служить Англии. При этом он сообщал, что один из сторонников Айюб-хана – Абдул Селам-хан – отказался служить англичанам и приехал в русскую миссию, где пробыл один день и уехал. Таким образом, далеко не всем в Афганистане нравилась проанглийская ориентация эмира и прочих сановников.

В 1888 г. поднял мятеж правитель Афганского Туркестана Мухаммед-Исхак-хан, который, кстати, был близок к Абдурахман-хану во время его пребывания в Самарканде. В Мазари-Шарифе он объявил об отложении от Кабула и желании дружить с Россией, для чего направил специального посланника Гулям-Кадир-хана к русским властям в Туркестане. Исхак-хан собрал под свои знамена многих недовольных, однако в сражении с войсками эмира у селения Газингак потерпел поражение и ушел со своими людьми на территорию России, где был тепло принят [см.: 12, с. 180]. Безусловно, Россия могла помочь ему и использовать события в Афганском Туркестане в своих целях, однако она не сделала этого. Мы полагаем, что, как и в случае с побегом Абдурахман-хана из Самарканда в Афганистан, здесь могла иметь место “двойная дипломатия” как следствие тайного сговора двух империй по афганскому вопросу.

Американский исследователь В. Хаббертон писал о том, что Афганистан “принадлежал к числу тех стран, которые, будучи незначительными сами по себе, становились предметом высокой политики и орудием в имперских планах держав”. При этом он приводил мнение небезызвестного британского деятеля, лорда Керзона, который говорил о том, что

“Афганистан как государство существует только всецело благодаря своему географическому (геополитическому – *А.С.*) положению” [13, р. 86]. Зарубежный востоковед В.Э. Куртис отмечал, что “Афганистан является буфером между Российской и Британской империями в Азии. Пока афганский эмир теоретически находится под английским протекторатом, России придется постоянно сталкиваться с трудностью ситуации в Центральной Азии самым серьезным образом, а Англия будет пытаться сделать все для того, чтобы это столкновение становилось все более существенным” [14, р. 22]. И он писал об этом уже после заключения англо-русской Конвенции 1907 г. по Персии, Афганистану и Тибету.

Англичане с самого начала активно действовали на поприще ухудшения отношений Афганистана с Россией. Так, в первой половине 1884 г. среди туркмен Иолотани объявился британский агент – весьма грамотный, умный и ловкий человек, которого все вскоре стали звать “Сиях-пуш”, то есть “носящий черную одежду”. Он проповедовал чистоту мусульманской веры и призывал отстраниться от “неверных” – русских, которые стремятся сделать мусульман рабами и обратить их всех в христианство. Сиях-пуш создал сеть агентов, которые распространяли прокламации с идентичным содержанием. После того как их отловила военная контрразведка, оказалось, что часть из них являлась афганскими офицерами.

В 1899 г. разведка Штаба Туркестанского военного округа сообщала о том, что афганский эмир Абдурахман-хан издал “манифест о джихаде”, но без указания против кого именно: русских или англичан. Разведка отмечала значительное оживление деятельности афганской агентуры в приграничной зоне [15, л. 78]. Российский консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский писал 14 апреля 1885 г. военному губернатору Ферганской области о том, что афганский эмир строит происки против России. Он отмечал: “На Аксу ... собрались 5 пансатов покойного Якуб-бека с преданными им киргизами (всего до двухсот человек) и рассылают приглашения соседним киргизам прибыть к ним для начатия священной войны против русских и китайцев” [16, л. 45].

Мы полагаем, что некоторые исследователи нередко преувеличивают проанглийские настроения афганского эмира Абдурахман-хана и его русофобские взгляды. Эмир Абдурахман-хан писал в своей “Автобиографии” о том, что он дружит с Англией, пока ему это выгодно [17, с. 324]. В те или иные периоды напряженности между Россией и Афганистаном эмир старался не доводить дело до открытых военных столкновений. Авторитетные специалисты свидетельствуют о том, что во время Мервского кризиса в 1885 г. англичанам удалось спровоцировать афгано-русский кон-

фликт, однако “после того, как афганские войска были разбиты в бою у Таш-Кепри, Абдурахман уклонился от дальнейших военных действий против России” [5, с. 395]. Зарубежный исследователь Н.М. Шахрани пишет о том, что в 1893 г. афганский эмир в беседе с Дюрандом отмечал, что он уже получил “отрубленную руку” (то есть поражение от русских. – *А.С.*) на Суматаше (Памир. – *А.С.*), а потому он “не намерен удлинять военное присутствие вдоль Гиндукуша с тем, чтобы иметь и это потом отрубленным” [18, р. 36]. Мы считаем, что в сложившейся в те времена ситуации у афганского эмира Абдурахман-хана не было иного выбора, как подчиниться английскому влиянию.

Видный деятель туркестанской администрации С.Н. Южаков писал в 1885 г. о том, что “Афганистан должен быть на стороне Англии или его присоединят к Англо-Индии – такова альтернатива, проповедовавшаяся такими влиятельными органами английской печати, как “Таймс”, “Стандарт” и др.” [19, с. 2–3]. Капитан англо-индийских спецслужб, разведчик Р.П. Коббольд, путешествовавший по Туркестану в сентябре – октябре 1897 г., писал о том, что “Афганистан находится накануне своего окончательного поглощения, и оно откладывается только до смерти или свержения нынешнего его правителя” [20, р. 27]. Мы полагаем, что втуне, исподволь афганский эмир Абдурахман-хан не мог питать к англичанам добрых чувств. И одной из причин его негативного отношения к британцам, безусловно, была так называемая “линия Дюранда”. Она была призвана разграничить Афганистан с Британской Индией, о чем ранее неоднократно просил англичан сам эмир Абдурахман-хан. Но они отправили свою разграничительную миссию в Кабул только к исходу 1893 г.

После переговоров с афганским эмиром миссия подписала 12 ноября 1893 г. соответствующее соглашение. Видные советские востоковеды писали по этому поводу о том, что “в 1893 г. англичане под угрозой новой войны заставили эмира Абдурахмана признать границей между Афганистаном и британскими владениями в Индии “линию Дюранда”, названную так по имени секретаря по иностранным делам при британском вице-короле Индии (Мортимера Дюранда. – *А.С.*), который вел переговоры с Афганистаном. “Линия Дюранда” пересекала территорию, населенную афганцами. За пределами афганского государства оказалось более половины афганцев” [5, с. 396]. Они же отмечали, что “попытка английских войск выйти на “линию Дюранда” вызвала восстание пограничных племен, продолжавшееся до 1897 г. Но и после подавления восстания колонизаторам не удалось прекратить сопротивление пуштунов Индии” [5, с. 396].

Мало кто обращал внимание на то обстоятельство, что “линия Дюранда”, по сути, была

следствием взаимосвязи именно религии и геополитики англичан, так как она юридически отрезала мусульман Британской Индии от исламского Афганистана со всеми вытекающими из этого последствиями. А они, как известно, были печальными, так как после провозглашения независимости Пакистана “линия Дюранда” постоянно порождала пограничные конфликты с Афганистаном, что, разумеется, влияло на геополитическую ситуацию на южных рубежах СССР. И сегодня воздействует на нее же в Центральной Азии.

Абдурахман-хан мог быть недоволен и тем, что англичане сознательно вредили ему в разных внутренних делах. Так, по мнению авторитетных специалистов, политика поощрения ислама и его святынь в Афганском Туркестане помогла Абдурахман-хану “установить тесные связи с многими религиозными лидерами пограничных племен” [12, с. 181]. Однако несколько позже отношения Абдурахман-хана с пограничными племенами обострились из-за провокационной политики англичан. Указанные авторы отмечают, что фактически изначально, после утверждения власти Абдрахман-хана в Афганистане, “англичане засылали к недовольным (пограничным племенам – А.С.) своих агентов, призывавших горцев к подчинению британским властям и провоцировавших выступления против эмира” [12, с. 181]. Вместе с тем англичане в нужных для них случаях помогали эмиру Абдурахман-хану в борьбе с непокорными “окраинами”.

Новый этап в использовании религии в геополитике произошел во время присутствия в Афганистане советского ограниченного воинского контингента. Только благодаря содействию западных стран так называемые моджахеды располагали достаточными финансовыми и военными ресурсами, чтобы в течение многих лет оказывать армии ДРА и советским войскам серьезное сопротивление. Со временем желание стран Запада более активно использовать религиозный фактор в своей геополитике в этом регионе привел к появлению целого движения Талибан, который стал представлять угрозу не только для Афганистана, но и для стран бывшего СССР. Сегодня весьма верным является утверждение упомянутого в данной статье американского ученого В. Хаббертона, который отмечал, что Афганистан, будучи незначительным сам по себе, становится предметом высокой политики. Являясь своеобразным буфером между бывшими республиками Советского Союза и бывшими владениями Британской империи в Азии, Кабул и сегодня демонстрирует актуальность “афганского синдрома”. Боевики ДАИШ, Исламского движения Узбекистана, Талибана создали сегодня новую геополитическую ситуацию для всего региона

Центральной Азии, в которой существенная роль отведена религиозному фактору. Именно поэтому для государств Содружества крайне важно разрабатывать и претворить в жизнь адекватную политику в отношении религии.

Литература

1. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
2. Bourne K. The foreign policy of Victorian England. 1830–1902. Oxford, 1970.
3. Русские военные востоковеды до 1917 года: библиограф. словарь / сост. М.К. Басханов. М., 2005.
4. Маркс – Энгельсу в Литлгемптон. 24 сентября 1878 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 34. М., 1964.
5. Губер А.А. Новая история стран Азии и Африки: учеб. для вузов. / А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. М., 1975.
6. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп.1. Д. 16 – Отчет о поездке начальника штаба войск Сыр-Дарьинской области по Бухарским и Афганским владениям (1879 г.).
7. История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
8. Всемирная история. Т. 7. М., 1960.
9. Singhal D.P. India and Afghanistan. A study in diplomatic relations. 1876–1907. Melbourne, 1963.
10. Богданович Л.А. Признания эмира афганского / Л.А. Богданович // Историч. вестн. 1901. № 3. С. 1127–1137.
11. РГВИА. Ф. ВУА (445). Оп.1. Д. 28 – Со сведениями об афганском сердаре Мамед Хасан и Эюбхане (1885 г.).
12. История Афганистана. М., 1982.
13. Habberton William. Anglo-Russian relations concerning Afghanistan. 1837–1907. University of Illinois at Urbana, 1937.
14. Curtis William Eleroy. Turkestan. The Heart of Asia. – New York, 1911.
15. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1212 – Всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Туркестанского края. Т. 1. (1889–1899).
16. ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1487 – О слухах из соседних владений.
17. Автобиография Абдурахман-хана, Эмира афганского, Т.1. СПб., 1901.
18. Shahrani Nazif Mohib M. The Kirgiz and Wakhi of Afghanistan. Adaptation to closed frontiers. University of Washington press, Seattle and London, 1979.
19. Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны / С.Н. Южаков. СПб., 1885.
20. Cobbold Ralph P. Innermost Asia. Travel and sport in the Pamirs. L., 1900.